

Фрау Волле и аромат шоколада

Автор:

[Ютта Рихтер](#)

Фрау Волле и аромат шоколада

Ютта Рихтер

Каждую ночь в комнате Мерле и Морица появляется дверь, ведущая в сказочную страну Бедокурию, где живут клыкастые тролли и отважный лис Серебур. Когда-то папа рассказывал детям об этой стране, но он давно уехал далеко-далеко. Мама по ночам работает в больнице, поэтому каждый вечер к детям приходит очень странная няня. Почему же мама доверила Мерле и Морица именно ей? Как пугающая незнакомка связана с таинственной страной? Брату и сестре предстоит пройти по бесконечным подземным тоннелям Бедокурии, преодолеть самые неожиданные препятствия, а не сбиться с пути им поможет папин голос из радиоприемника.

Ютта Рихтер

Фрау Волле и аромат шоколада

Jutta Richter

Frau Wolle und der Duft von Schokolade

© 2018 Carl Hanser Verlag GmbH&Co.KG, M?nchen

© О. Мязотс, перевод, 2019

* * *

Всем детям, которым интересно, как выглядит запредельный мир. Зайчишкам-трусишкам и тем, у кого львиное сердце. Тем, кто оберегает бабочек, и тем, кто приносит удачу. Упрямятам, которые мотают головой и говорят «нет». Тем, кто ищет и находит. И особенно – Лили.

Дети с Заячьей улицы

Ходили слухи, что чёрный магазин Гезины Волькенштайн глотает детей. Зое Зоденкамп даже утверждала, что знала двух таких детей. Но это вряд ли, потому что Зое Зоденкамп на Заячью улицу переехала совсем недавно. А мы тут всегда жили.

Если живёшь на Заячьей улице, то в школу идёшь по Ястребиному переулку. Мимо синего дома, мимо жёлтого и красного, мимо зелёной ковanej калитки семейства Тоцци, за которой лаает такса. Она скачет как бешеная и яростно царапает решётку, поднимая страшный шум. А потом нужно пройти мимо чёрного магазина Гезины Волькенштайн.

Взявшись за руки, опустив головы и затаив дыхание, мы стараемся незаметно пробежать мимо. И первый вдох делаем, лишь когда добегаем до ратуши.

Там широко распахнуты окна, и летнее солнце, искрясь как сумасшедшее, рассыпает пригоршни лучей по мостовой...

Горчица и салфетки

Зое Зоденкамп и её мама жили под самой крышей. Соседей у них не было. А квартирка – самая крошечная на свете. Поэтому мы у неё никогда не играли.

– Если мы с мамой обе дома, в квартире не повернуться. Я тебя позову, когда она уйдёт.

Но мама Зое никогда не уходила. Не то что наша.

В тот день мама, как всегда, была на работе и вернулась домой усталая, с тёмными кругами под глазами.

– Как дела в школе? – спросила она.

– Хорошо, – ответили мы.

– Что-нибудь случилось?

– Ничего.

– Записка от учительницы есть?

– Да.

– О боже! – вздохнула мама, прочитав записку. – Опять надо нести угощение для школьного праздника. Только этого не хватало!

– Мы же всегда как-то выкручивались, – успокаивали мы её.

– Горчица и салфетки?

– Да, горчица и салфетки.

- В конце концов, ты же мать-одиночка, - напомнил Мориц.

- Мама Селины вообще ничего не делает, - добавила я. - Она мать-одиночка, да ещё кормящая.

- Вот как? - Мама вскинула брови. - У неё что, ещё ребёнок родился?

- Месяц назад. Селина говорит, он кричит ночами напролёт.

- Кошмар! - вздохнула мама. - Ну ладно, пусть будет горчица и салфетки. А теперь мне надо прилечь отдохнуть. У вас всё?

Мы с Морицем кивнули и отправились на кухню делать бутерброды. Маленькую тарелку для мамы и большую для себя. Мама любит, когда за ней вечером ухаживают. Бутерброды с копчёной колбасой. Кусочки бананов, четвертинки помидоров. стакан холодной воды.

Мы с Морицем знали, что нужно маме.

Радиопапа

- Спать, и без разговоров! - кричала мама. Каждый вечер. - Я сказала: без разговоров!

Мы с Морицем лежали в кроватях. Было темно, хоть глаз выколи, лишь полоска света пробивалась под дверь. Мы прислушались. Вот раздались мамины шаги. Она открыла и закрыла холодильник. Потом пошла в гостиную, опустилась в кресло и включила телевизор.

– Пора, – решил Мориц, откинул одеяло и перебрался ко мне на кровать. Мы натянули на себя одеяло и включили радиоприёмник.

Приёмник – это папин подарок на Рождество. Прощальный, как оказалось, но тогда мы этого не знали. Папа просто вручил нам пакет и сказал:

– Мерле, отдаю тебе, ведь ты старшая, но подарок – вам обоим.

Я сразу сорвала обёрточную бумагу, а Мориц заглядывал мне через плечо. В коробке оказалось обыкновенное радио.

Мориц надулся:

– Ну, папа, зачем оно нам? У нас же есть музыкальный центр!

– Это всеволновый приёмник, – объяснил папа. – По такому можно слушать передачи со всего света: из Африки или с Аляски, из Финляндии или с Огненной Земли. А если знаешь французский, можешь поймать даже сигнал полицейской радиации из Парижа.

– Это и в интернете есть.

– Всё не так просто, малыш, – возразил папа. – Для интернет-радио нужен интернет, а для приёмника – только батарейки.

Сперва приёмник только трещал. Я стала очень медленно вращать колёсико настройки. И вот среди шума послышалось какое-то попискивание, потом – тихий голос. Он становился всё громче. Какая-то певица вопила:

«О-о-о!»

– Давай дальше, – шепнул Мориц.

Я стала крутить медленнее. Миллиметр за миллиметром.

Вдруг из приёмника раздался папин голос. Сперва немножко хриплый, потом – всё чётче и чётче.

– Это же он! – обрадовался Мориц.

Низкий голос звучал совсем близко, словно папа лежал рядом с нами. На миг нам показалось, будто всё стало как прежде, когда мы по воскресеньям забирались утром к нему в постель. Мы клали головы папе на грудь, а он рассказывал нам разные истории из Бедокурии, Небыляндии, Тьмутаракани или Чёртовых Куличек, потому что наш папа всегда мечтал о дальних странах.

«Дорогие радиослушатели! Где бы вы ни были, я проведу с вами всю эту ночь. Вместе мы совершим музыкальное путешествие от Санкт-Петербурга до Стамбула и Тимбукту, посетим Буркина-Фасо – говорят, там живут самые честные люди на свете – и побываем в музыкальной Одессе. На нашем маршруте также Палермо и Тунис. Если вы готовы путешествовать с нами, пакуйте чемоданы! Я обещаю вам необыкновенную ночь. Вы не пожалеете, что не спали: мир огромен и прекрасен, и за горизонтом нас ждут музыкальные приключения...»

– Это он к нам обращался? – спросил Мориц, когда зазвучала музыка. – Думаешь, он знает, что мы его слушаем?

– Конечно, – прошептала я.

Мориц вздохнул с облегчением, притулился ко мне и засопел. А я лежала не шевелясь, слушала дыхание Морица и музыку, которую папа передавал из Санкт-Петербурга, и ждала: вдруг он снова заговорит?

Дурацкие бумажки

Мама сидела за кухонным столом непричёсанная, в халате и то и дело проводила ладонью по волосам. Перед ней лежала ручка и стопка бумаги.

- Мне с этим не справиться, - бормотала она. - Это будет катастрофа.

Она смяла листок и взяла новый.

- А ты знаешь, что в Буркина-Фасо живут самые честные люди на свете? - спросил Мориц.

Мама пристально посмотрела на Морица, словно впервые его видела.

- Что ты сказал?

- В Буркина-Фасо живут самые честные люди на свете, - повторил Мориц.

- Кто тебе сказал? - спросила мама.

- Папа, - ответил Мориц.

Мама вскинула голову:

- Он что, вернулся? Ты с ним виделся? Ну-ка, рассказывай!

- Нет, - ответил Мориц и улыбнулся.

- Что - нет?

- Папа мне это раньше рассказывал. Давно.

- Вот как.

Мама снова склонилась над столом. Она грызла кончик ручки, хотя нам это строго-настрого запрещала.

– А что ты пишешь? – поинтересовалась я.

Мама не ответила.

– Какие-то дурацкие бумажки! – фыркнул Мориц, пожав плечами.

Часы на церкви пробили одиннадцать. Этак скоро воскресенье пройдёт! Мы переглянулись, встали и пошли в большую комнату смотреть телевизор. Но на самом интересном месте мама заслонила нам экран.

– Ну мама! – возмутился Мориц и попытался как-то выглянуть из-за неё. Но мама стояла как стена.

– Вот что, детки, – начала она и щёлкнула пультом телевизора, – выключу-ка я его ненадолго.

– Это нечестно! – заныли мы с Морицем.

– Но вы же эту сказку сто раз видели, – сказала мама. – А вот этого не видели! – И она высоко подняла исписанный листок. – Послушайте-ка!

Требуется няня

– Ну, как вам текст? – спросила мама. – По-моему, коротко и ясно!

Мы переглянулись и покачали головами.

– Зачем это? – спросила я. – Зачем нам какая-то чужая тётка, которая будет нас укладывать спать? Мы и сами можем! Нас не надо отводить в кроватку! И потом, ты же по вечерам дома.

Мама нахмурилась и опустила голову, а потом ответила:

- Больше не буду. Со следующей недели у меня начинаются ночные дежурства в больнице - с восьми вечера. Домой я буду возвращаться только в полвосьмого утра.

- Вот гадство! - проворчал Мориц.

- Но мне уже одиннадцать! - сказала я. - Я сама могу приглядеть за Морицем.

- Нет уж! - отрезала мама. - Пусти козла в огород! Да у меня на работе ни минутки спокойной не будет!

- Так купи нам собаку, - предложил Мориц. - Собаки - отличные помощники. Лучше всех - венгерские овчарки. Они знают, что делать, они бдительные и любят детей. Такая овчарка управляет с целым стадом. В Венгрии они пасут овец и свиней.

- Вот как? А если вы заболете, собака сможет заварить вам травяной чай? Или сделать компресс?

- Такие собаки тоже бывают. Их называют собаки-помощники, - стоял на своём Мориц.

Но мама посмотрела на нас так, что стало ясно: тема закрыта.

- Мои дорогие, нам не нужна собака, нам нужна няня - это решено.

Надежда

Мы с Морицем, конечно, приуныли. Ну скажите, пожалуйста, зачем нам какая-то няня? Мама наверняка заранее знала: нам это не понравится.

– Зачем тогда ты нас спрашиваешь? – проворчал Мориц. – Чего спрашивать, если всё уже решено?

– Да нас же в школе засмеют! – выпалила я. – Будут показывать пальцем: «Посмотрите, вон идут Мерле и Мориц! Ну, где же ваша нянечка?»

– А как они узнают? – удивилась мама.

– Да уж наверняка узнают! – буркнула я.

– Прекратите, – перебил Мориц и добавил: – Вот бы папа был здесь...

Но это он сказал совсем тихо: у нас был уговор – об этом не говорить.

Слава богу, вешать объявления на домах у нас запрещено, иначе бы мамино «Срочно ищу няню!» прочитал весь город.

И всё-таки пришлось повесить объявление на доску в супермаркете. Внизу на двадцати отрывных полосках был написан номер мамино мобильного, чтобы тот, кто ищет работу, мог оторвать кусочек.

Каждый день по дороге домой из школы мы с Морицем делали двадцатиминутный крюк: проверить, не оторвал ли кто номер. Так прошло пять дней. Мы уже начали надеяться, что желающих стать няней всё-таки не найдётся.

Но на шестой день наша надежда лопнула, как мыльный пузырь: мамин номер оторвали дважды. Теперь низ объявления стал похож на щербатую улыбку.

– Аккуратно оторвано, – заметил Мориц. – Это явно не дети, а тот, кто действительно ищет работу.

Предчувствуя недоброе, мы метались по квартире, как тигры в клетке, и то и дело выглядывали в окно. Мы ждали маму. Секунда утекала за секундой. Я поминутно смотрела на часы в кухне, но стрелки словно застыли на месте.

– А вдруг она симпатичная? – пробормотал Мориц. – Может, даже супермодель.

- Ага, или инопланетянка, - съязвила я, постучав себе пальцем по лбу.

- И разрешит нам телик смотреть, - не унимался Мориц. - А может, она маме ещё и не понравится...

- Только если окажется инопланетянкой-супермоделью.

- Это вряд ли, - вздохнул Мориц.

И я тоже так считала.

Наконец мы услышали, как звякнули мамины ключи, и, словно по команде, раскрыли тетрадки.

Неудача

- Дети, я дома! - крикнула с порога мама. - Есть тут кто? - Она поднялась по лестнице. - Где же вы?

Мама распахнула дверь детской. Щёки её пылали, глаза блестели. Мы уткнулись в тетрадки.

- Ну-ка догадайтесь, кто сейчас к нам придёт? - прощептала мама.

Мы сразу поняли: надвигается катастрофа.

- Няня, - прошептал Мориц.

- Верно, - рассмеялась мама. - Вот увидите: она вам понравится.

– А имя у неё есть? – спросила я.

– Естественно! Но пока я вам не скажу. Пусть будет сюрприз. Я вас позову, когда она придёт.

Из нашего окна был виден кусочек улицы. Мы прижались носами к стеклу. Фрау Тоцци, которая жила в Ястребином переулке, выгуливала свою жирную таксу. Вот она подошла к нашей двери. Мы с Морицем затаили дыхание.

– Уходи. Пожалуйста, иди дальше! – прошептала я.

Пёс задрал лапу и пописал на фонарный столб. Фрау Тоцци потянула его за собой.

– Уф, пронесло, – сказал Мориц.

Потом мы увидели Зое Зоденкамп. Они с мамой садились в машину. Зое подняла голову и махнула нам, а мы помахали ей в ответ. Следующим из-за поворота показался господин Полинг, бывший хозяин обувного магазина на Ратушной площади. Сегодня на нём была светлая соломенная шляпа. Он ходил, немного подволакивая левую ногу, и брызгал слюной, когда говорил, поэтому мы старались обходить его стороной.

Тут как раз фрау Веренбольд выкатила на край тротуара свой мусорный контейнер. Господин Полинг попытался завести с ней беседу, но она не остановилась. Лишь махнула рукой, словно отгоняя надоедливых мух, и покачала головой. А потом дверь за ней захлопнулась.

После этого долго ничего не происходило. Катастрофа не спешила.

Мориц снова уселся за стол.

– Сделаю пока домашку, – пробормотал он и выудил из портфеля учебник по математике.

Я плюхнулась на кровать и приготовилась к худшему. Вот если бы папа был здесь, нам бы никакая няня не понадобилась!

– Детям надо доверять, – сказал он с улыбкой в тот день, когда я забралась на каштан.

Под деревом, разинув рот, стояла фрау Шнемилх, смотрела на меня во все глаза и повторяла:

– Надо же что-то делать! Надо вызвать пожарных!

Это случилось на дне рождения Себастиана Шнемилха. Мы играли в «холодно – горячо», и мне достался утешительный приз – какой-то дурацкий ластик. Поэтому, когда стали играть в прятки, я решила взять реванш. У того дерева была шероховатая кора и полным-полно сучков и веток, так что взобраться на него оказалось парой пустяков. Сверху мне видно было полгорода. Я уселась, прислонившись спиной к толстой ветке. Лицо обдувал прохладный ветерок. Подо мной было голубиное гнездо. Голубица сидела в нём, не шевелясь. Солнечные зайчики плясали на листьях.

Себастиан и другие дети проискали меня битый час.

– Мерле, Мерле, где ты? – звали они.

А я не отвечала. Постепенно голоса стали звучать всё тише.

Здорово было сидеть так высоко-высоко над миром и знать: первый приз у тебя в кармане! Тебя никогда не найдут.

В конце концов фрау Шнемилх позвала на помощь папу.

– Мерле, детка, пискни разочек! – окликнул он меня.

Это были папины волшебные слова.

В ответ я загукала словно голубь, только погромче. И папа сразу меня нашёл.

– Ах, что же делать? Ребёнок может шею сломать! Надо немедленно вызывать пожарных! – запричитала фрау Шнемилх, всплеснув руками.

Но папу её слова только насмешили.

– Детям надо доверять, – сказал он, улыбаясь, а потом сделал строгое лицо и рывкнул: – Живо слезай, Мерле Нойман, поняла?

Нет, будь папа с нами, о няне и речи бы не шло, это точно.

Таинственные глаза

Ясное дело, мы проморгали тот момент, когда она появилась на нашей улице.

Мы вздрогнули от маминого крика, когда она позвала нас:

– Мерле, Мориц! Подойдите сюда, пожалуйста.

Я останавливалась на каждой ступеньке. Мориц, словно улитка, полз за мной следом.

Мама стояла в дверях кухни. Она махнула нам, приглашая войти.

– Ну же, идите сюда!

Я почувствовала, как сердце ушло в пятки. Замерла, схватила Морица за плечи и, прежде чем войти в кухню, выставила его перед собой как щит.

Гостья сидела за большим кухонным столом на папином стуле. Держа ложечку костлявой рукой, она размешивала сахар в чае.

У неё были тонкие губы, зелёные, как трава, глаза, а на кончике носа – очки в тонкой золотой оправе.

С краю к столу была прислонена чёрная трость с серебряной ручкой.

Мы всё могли предположить, но только не это.

Её-то мы знали.

И сразу поняли, кто она.

Владелица того самого чёрного магазина, в котором исчезали дети. Она жила в Ястребином переулке. Звали её Гезина Волькенштайн.

Я услышала, как Мориц тихонько застонал.

Глаза Гезины Волькенштайн изменили цвет. Они внезапно потемнели и сделались чёрными. Голос у неё был хриплым и строгим:

– Мориц, помнишь, что сказал осёл, когда пришёл на мельницу? Тебя ведь Мориц зовут, верно?

«Что за дурацкий вопрос?» – подумала я.

Но Мориц не мог вымолвить ни слова.

– Ну, Мерле, ты-то, конечно, должна знать, что сказал осёл!

– «Иа-иа», – ответила я.

Гезина Волькенштайн и мама рассмеялись. Это был неприятный смех, в нём звучала издёвка. Гезина Волькенштайн явно потешалась над нами. Но только мама поняла её шутку.

Я почувствовала, как мурашки поползли у меня по рукам и по спине.

Хотя в кухне было тепло, я вдруг поняла, что зябну.

И тут я заметила, что от смеха глаза Гезины Волькенштайн снова изменили цвет.

Теперь они стали голубыми и прозрачными, как вода в наших новых синих стаканах.

«Как она это делает? – удивилась я. – Жутковатое зрелище».

Мама перестала смеяться.

– Ну, мои дорогие, – сказала она, – не стойте столбом. Поздоровайтесь, пожалуйста, с фрау Волькенштайн. Я очень рада, что она станет вашей няней. Надеюсь, вы с ней быстро подружитесь. Ну же!

Гезина Волькенштайн схватила мою руку и сжала так крепко, что я чуть не рухнула на колени. Потом настал черёд Морица.

– Добрый день, фрау Волькенштайн, – пробормотал он и попытался отнять руку.

Но фрау Волькенштайн её не выпускала.

– Добрый день, Мориц, – проговорила она. – Рада с тобой познакомиться. Думаю, мы с тобой найдём общий язык, правда?

Мориц кивнул и попробовал улыбнуться, но улыбка вышла кривоватая.

Гезина Волькенштайн выпустила руку Морица и раскрыла свою большую чёрную сумку.

Немного порывшись в ней, она достала две обёрнутые в блестящую золотую фольгу шоколадки. Задумчиво их оглядела, словно взвешивая на руке. Глаза её снова стали зелёными.

- Вот, Мерле. - Она протянула мне шоколадку. - Это тебе.

- Спасибо, фрау Волькенштайн, - сказала я.

- А это, Мориц, - тебе.

- Спасибо, фрау Волькенштайн, - пробормотал Мориц.

- Ну, можете идти делать уроки, - сказала мама, наливая себе ещё кофе. - Завтра фрау Волькенштайн впервые будет у нас ночевать.

Мы кивнули.

- Не вешайте нос, - добавила фрау Волькенштайн. - У нас всё будет хорошо, верно? - И она посмотрела на нас так, словно видела насквозь. - А что сказал осёл, когда уходил с мельницы?

- «До свидания», - хором ответили мы с Морицем.

Заколдованный шоколад

Мы зажали в руках шоколадки и, опустив головы, молча поднялись по лестнице. Мориц плотно закрыл дверь нашей комнаты, а потом сказал:

- Во всяком случае, тут ей не магазин, и мы не исчезнем.

- Кто знает, - ответила я. - Нам ведь придётся каждую ночь оставаться с ней наедине...

- Нас всё-таки двое, а утром обязательно вернётся мама.

Я опасливо осмотрела свою шоколадку и положила её на письменный стол.

- Заметил, какие у неё глаза?

Мориц покачал головой:

- А что с ними не так?

- Они меняют цвет.

- Ничего себе!

- Сам увидишь.

Мориц надулся:

- Будешь меня пугать, я маме пожалуюсь.

- Не собираюсь я тебя пугать, но...

- А я всё-таки съем шоколадку, - решил Мориц и разорвал золотую фольгу.

- Не надо! Вдруг она заколдованная? Мориц, пожалуйста, не надо!

Я вспомнила ту сказку про братца и сестрицу, которую нам часто рассказывал папа: «Братец, не пей водичку, а то превратишься в зверя и разорвёшь меня на клочки!»

Я видела, что Мориц колеблется.

- Помнишь сказку про братца и сестрицу – ту, в которой вода была заколдована?

- Ох, Мерле, не говори ерунды!

Мориц усмехнулся, закатил глаза, зарычал, как здоровенный пёс, и медленно поднёс шоколадку ко рту.

- Не ешь! – крикнула я.

Но поздно: он уже откусил кусок.

Я ждала, что вот-вот мой брат обратится в льва или волка. И не сводила глаз с его рук. В кино всё всегда начинается с рук. Ногти превращаются в когти, потом вырастает тёмная шерсть...

Мориц зажмурился и громко чавкал.

- Ого! Эшо лучший шоколаш в моей шизни!

Я всё ещё ждала превращения. Но ничего не произошло.

По крайней мере, внешне ничего не изменилось. Только мой брат вдруг сказал:

- Может, и неплохо, что фрау Волькенштайн теперь наша няня. Если она всякий раз будет приносить такие шоколадки, пусть приходит...

Я закрыла лицо руками.

Фрау Волькенштайн заколдовала моего брата! Это произошло у меня на глазах, и я ничего не могу с этим поделать.

Время Волькенштайн

- И чтобы мне на вас не жаловались!

И делайте всё, что вам скажут!

И почистите зубы!

И чтоб никакой канители!

И покажите всё фрау Волькенштайн!

И будьте с ней вежливы, чтобы она чувствовала себя у нас как дома.

И не забудьте завести будильник!

И соберите портфель, прежде чем ляжете спать!

И вставайте вовремя!

И как следует позавтракайте!

И возьмите в школу бутерброды!

Выпалив всё это, мама ушла на работу. Но наверняка она и в машине всё ещё твердила себе под нос какие-нибудь указания. Никто другой не способен придумать столько разных наставлений. Мориц даже пытался внести маму в Книгу рекордов Гиннеса. Он написал письмо в редакцию, но издатели ему отказали, потому что у них нет подходящей категории.

Хорошо хоть, мама разрешила нам телевизор смотреть.

- До скольких? - спросили мы.

- Пока фрау Волькенштайн не придёт.

- А если она явится на самом интересном месте?

- Тогда вы уж с ней сами договаривайтесь.

Мы сидели в пижамах перед телевизором и жевали бутерброды.

Шёл любимый мультфильм Морица - «Салиносы».

Маленькие пятнистые зверьки с большими глазами и громкими голосами скакали по экрану и пытались спасти свою Страну Жвачки от чёрного рыцаря Лакрицы, но каждый вечер рыцарь придумывал новые пакости, чтобы расправиться с недотёпами салиносами. На самом деле салиносы были давно обречены, но они этого не знали, и Мориц тоже не знал, поэтому каждый вечер с замиранием сердца смотрел очередную серию, ожидая хорошего конца.

Я бы с большим удовольствием переключила на что-нибудь другое. Например, на «Триваторес» - сериал про итальянское семейство детективов, которые ловко разгадывали самые сложные преступления без всяких там киношных выдумок. Или «Бриз любви» - про бедную горничную из отеля, которая безнадежно влюблена в богатого повара. Но об этом ни с Морицем, ни с мамой не договоришься.

Так что мне оставалось только пялиться на этих жутких пятнистых зверюшек, орущих громкими голосами.

А потом в гостиной вдруг появилась она.

Я до сих пор не понимаю, как это произошло. Она была мастерица подкрадываться, могла бесшумно распахнуть дверь и окно, и даже скрипучая садовая калитка у неё открывалась беззвучно.

Итак, в гостиной, опираясь на чёрную трость с серебряной ручкой, стояла Гезина Волькенштайн. В другой руке у неё была большая чёрная сумка со старомодной защёлкой. Серебристые седые волосы уложены в пучок на затылке. На ней были тёмно-зелёные брюки и светло-зелёная вязаная кофта - пушистая, как будто из

пуха зелёных зимородков, живущих в вольере в зоомагазине Петерса. Я попробовала представить, сколько птичек пришлось бы ощипать, чтобы хватило на целую кофту.

Каблуки её ботинок на шнуровке были разной высоты – ещё одна странность. Я посмотрела, какого цвета у неё глаза. На этот раз зелёные – в тон кофты.

– Добрый вечер, дети, – произнесла фрау Волькенштайн глухим, бархатистым голосом и указала на телевизор: – Что наяву увидишь, то и во сне пригрезится. А от таких фильмов одни кошмары снятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/ru/rihter_yutta/frau-volle-i-aromat-shokolada

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)